

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803Х от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет	3
---	---

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса	6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы	14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова	32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. ХХ в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.)	39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории	51
Туринаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России	55
Туринаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью	65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского	73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного и религиозного подходов	93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в.	108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого	113
Яблоков И.А. Миологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева	121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения русского бунта: достоинства и недостатки	125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи	144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска	158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века (на примере вузов сибирского региона)	168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты	177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования» в курсе «Методика преподавания истории в школе»	188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации	193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199
---------------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	201
---	-----

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepun: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th centure devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post peter the firt's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post peter the firt's russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Cristian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskay in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V.. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of constraction the course «Metods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

ПОПЕЧИТЕЛЬ УЧЕБНОГО ОКРУГА Л.И. ЛАВРЕНТЬЕВ И ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТЫ

Статья посвящена проблеме взаимоотношений попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева с Томским университетом в 1900–1914 гг.

В отечественной историографии институт попечителей учебных округов как самостоятельный предмет исследования не привлекал внимания ученых. Проблемы взаимоотношения университетов с попечителями учебных округов, рассмотренные в контексте борьбы за университетскую автономию, освещены в общих работах А.Е. Иванова¹, Г.И. Щетининой², Р.Г. Эймонтовой³. В очерках, посвященных отдельным университетам, также затрагивается роль попечителей учебных округов в истории этих учебных заведений⁴. В биографиях отдельных членов Петербургской Академии наук (С.С. Уваров, С.Я. Румовский, Н.И. Пирогов) отражена их научно-организационная деятельность, частично и в должностях попечителей округов. Из перечисленных деятелей в большей степени освещен вклад С.С. Уварова в развитие российского образования⁵. В настоящее время появились работы, посвященные общим проблемам института попечителей⁶ и отдельным персоналиям⁷. В серии «Харьковский биографический словарь» вышла книга о всех попечителях Харьковского округа⁸.

Настоящая статья посвящена роли второго попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева в истории Томского университета в первые годы XX столетия. Исследование построено, главным образом, на материалах Российского государственного исторического архива.

Леонид Иванович Лаврентьев (1835–1914) происходил из потомственных дворян Московской губернии. Высшее образование получил на юридическом факультете Московского университета (1853–1858) и, по признанию А.Н. Куломзина⁹, который был его однокурсником, «в университете слыл и был, несомненно, большим знатоком римского права»¹⁰. Осенью 1858 г. Лаврентьев уехал в Европу для усовершенствования в науках, первый год занимался в университете Монпелье (Франция), затем несколько месяцев учился в Берлине, а с ноября 1859 г. обосновался в Гейдельберге. В период учебы за границей Лаврентьев особенно сдружился с Куломзиным, который в это же время слушал лекции в Германии и Англии. Куломзин в мемуарах отмечает, что не только они, выпускники университета, но и все выдающиеся профессора были монархистами, однако все мечтали о представительном образе правления в отдаленном будущем. В качестве политического кредо того поколения Куломзин приводит строки из письма Лаврентьева: «Абсолютная монархия и деспотизм могут быть только в теории разделены; на опыте два этих понятия сливаются и не представляют никакого различия», «социализм, гуманный по своим началам, делает иногда весьма нелогические выводы; его крайности довольно смешны»¹⁰.

Находясь за границей, российские студенты не были оторваны от родины: сведения получали из писем, через приезжающих из России новых студентов и профессо-

ров, из русскоязычной прессы. Сам Лаврентьев нередко читал «Колокол» Герцена. В то время в Берлине студенты образовали собственное землячество, регулярно собирались на вечеринки («сходки»), большинство его членов сопоставили химики и медики, почти не было юристов. Здесь осенью 1859 г. состоялась встреча Л.И. Лаврентьева с В.И. Герье, которая положила начало их товарищеским отношениям. В Гейдельберге в то время учились россияне – будущие государственные и общественные деятели, крупные ученые. Среди них ботаник А.С. Фаминцын, зоолог В.О. Ковалевский, химик Д.И. Менделеев, химик и композитор А.П. Бородин, историк В.И. Герье, этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай, географ А.И. Воейков, публицист И.С. Аксаков и другие¹¹. Лаврентьев отмечал, что «русских здесь тьма, есть даже некоторые, которые проводят время за картежную игрой, как будто в России нет такого поприща»¹⁰.

Леонид Иванович внимательно следил издалека за ходом подготовки реформ в России. Проект о судопроизводстве он воспринял весьма скептически: «Коль основание гнило, то какой дом ни возводи, все толку мало. По всей вероятности, этот проект всегда останется только проектом. Это вариация на тему – сокращение переписки»¹⁰. Приближающееся освобождение крестьян заставило Куломзина быстрее вернуться в Россию; Лаврентьев возвращаться не спешил, потому что, по его мнению, «как только въедешь в Россию, то и найдет какое-то одурение, вот во избежание этого-то мне и хотелось бы подольше не въезжать»¹⁰. Пребывание Лаврентьева за границей затянулось на 10 лет, однако магистерскую диссертацию он так и не защитил. По возвращении на родину не стремился связать себя научной деятельностью, не пошел служить он и по части юриспруденции, а поступил на службу в Министерство народного просвещения. Юношеский максимализм со временем исчез, а в последние годы жизни его обвиняли уже в крайнем консерватизме.

Педагогическая и учебно-организационная деятельность Лаврентьева началась в 1877 г. в Москве. Он был назначен старшим титором университетского курса в лицей цесаревича Николая. Это заведение относилось к числу привилегированных, предназначенных для детей элиты и весьма зажиточных людей. Поэтому, по существующему положению, старшие титоры приравнивались в правах по чинопроизводству к экстраординарным профессорам университетов. Лаврентьев начал читать курс, посвященный институциям Юстиниана. По свидетельству очевидцев, лектор старался избегать истории развития того или иного института, так как это, по его мнению, отвлекало студентов в историю в ущерб развитию в них юридического мышления¹².

В 1881 г. Лаврентьев становится окружным инспектором Московского учебного округа, а в марте 1885 г., по предложению И.Д. Делянова, был назначен помощником

попечителя Петербургского округа. Министр характеризовал Лаврентьева как человека, исполняющего «отлично-усердную службу» и имеющего «непоколебимые правительственные убеждения»¹⁰. Начиная с 1887 г. на протяжении многих лет он был сверхштатным членом училищного совета Священного синода, членом Ученого комитета МНП. В комитете Лаврентьев занимался отчетами молодых людей, оставленных при университетах или командированных за границу с целью усовершенствования в юридических науках. Кроме того, в его обязанности входило рассмотрение книг по правоведению для библиотек средних учебных заведений. Помощнику попечителя приходилось неоднократно выезжать с ревизиями.

В 1898 г. Синод наградил Лаврентьева Библией, выдаваемой за особое усердие и ревность в деле благоустройства местных церковно-приходских школ и школ грамотности. Он был избран почетным гражданином Петрозаводска, а позже Петропавловска и Новониколаевска. Леонид Иванович возглавлял строительные комитеты по возведению зданий химических лабораторий и физического института Петербургского университета, зданий низшего химико-технического и 2-го реального училищ в Петербурге. В 1899 г. ему пришлось участвовать в заседаниях Совета Петербургского университета в связи со студенческими волнениями вместо заболевшего попечителя округа М.Н. Капустина. По свидетельству Н.И. Карапеева, Лаврентьев ни во что не вмешивался, только наблюдал за тем, что происходит¹³.

Указ о новом попечителе Западно-Сибирского учебного округа был подписан 30 июля 1899 г. Одновременно с назначением Лаврентьева в Томск министр Н.П. Боголепов провел ряд других перестановок в управлении учебными округами. В.А. Попов был перемещен из Казанского округа в Виленский, а ректор Харьковского университета М.М. Алексеенко отправился в Казань. 64-летний Лаврентьев сменил скончавшегося В.М. Флоринского, в должность он вступил 17 сентября 1899 г. и в течение 15 лет возглавлял округ.

Проблемы образования в Сибири сильно отличались от забот Петербургского учебного округа. Томский университет и только что открытый Технологический институт нуждались в дальнейших инвестициях, остро стоял вопрос о высшем женском образовании, преимущественно аграрное производство края требовало специалистов по сельскому хозяйству, активное переселенческое движение в Сибирь влекло за собой проблему школ в новых поселках. При этом финансирование Сибири на нужды образования, по сравнению с центральными округами, было мизерным. Первые три года Лаврентьев работал без отпуска. Лишь в сентябре 1902 г. он подал прошение об отпуске на 4 месяца; это был его первый отпуск за 25 лет службы в МНП¹⁰.

В личном фонде А.Н. Куломзина хранится несколько писем Лаврентьева. Это письма за 1859–1860 и 1901–1905 гг. Вероятно, Куломзин оставил из всей переписки лишь наиболее информативные письма, которые ему нужны были для подготовки собственных мемуаров, иначе трудно объяснить отсутствие писем между друзьями в течение десятилетий.

Письма за 1901–1905 гг. содержат сведения о Томском университете с сентября 1899 г. по январь 1905 г.,

характеризуют первые впечатления попечителя и первые его шаги по улучшению университетской жизни (их полный текст приведен ниже). Особенно поразило нового попечителя антисанитарное состояние окружающей университет территории и дворов общежитий. Лаврентьев сосредоточил внимание на строительстве канализации и отдельных казарм для низших служителей. Главной заботой в течение нескольких лет было строительство нового анатомического театра. Неотложных мер требовала и библиотека – в ней было тесно и холодно. На первых порах Лаврентьев добился ликвидации городской свалки, устройства новых колодцев. Из-за бюрократической волокиты затягивалось выделение средств для университета, что обескураживало Леонида Ивановича. Единственный человек, которому он мог пожаловаться на собственные неудачи, был Куломзин, но при этом попечитель не пытался использовать его высокое служебное положение для решения своих «мелких проблем».

В 1907 г. завершилось строительство анатомического театра, длившееся четыре года. Здание было спроектировано по примеру подобного в Лейпциге. Оно было оснащено современными приспособлениями, имело водопровод, канализацию, электрическое освещение, лифт, отапливалось калориферами. Теперь на очереди стояла библиотека. 23 мая 1907 г. Лаврентьев обратился в министерство с просьбой рассмотреть вопрос о собственном здании для управления округом. Выведение из стен университета канцелярии учебного округа, освобождение квартир, занимаемых попечителем и управляющим канцелярией, могло бы помочь университету расширить библиотечное помещение. Об этом попечитель говорил еще в декабре 1900 г. с товарищем ministra Н.А. Зверевым во время его приезда в Томск¹⁰.

Летом 1907 г. под канцелярию нашлось помещение в доме на Бульварной улице, принадлежавшем профессору университета М.Ф. Попову¹⁴. Комнаты канцелярии располагались на третьем этаже, были удобные, светлые, с высокими потолками, помещения для низших служителей были менее удобны, не было квартиры для управляющего канцелярией, но в целом Лаврентьев был доволен. Помещения сдавались в аренду на 3 года с ежегодной оплатой в 1800 рублей. Не дожидаясь решения в министерстве вопроса о том, кто будет оплачивать аренду, помещения были заняты канцелярией, а первый взнос в 600 рублей сделал университет. При рассмотрении имеющихся вариантов о помещении для канцелярии Лаврентьев категорически отверг предложение ректора В.В. Сапожникова¹⁵, который предлагал занять один этаж 1-го общежития студентов. Это объяснялось заботой о студентах, которые снимали в городе дешевые квартиры, да и те были без удобств, «хуже ночлежек»¹⁰. С сентября 1907 г. в здании университета оставались квартиры попечителя, а также ректора, профессора богословия, прозектора анатомии и экзекутора, которые размещались в особом крыле. Квартира Лаврентьева находилась здесь еще со времен первого попечителя В.М. Флоринского, поэтому его обижали слухи о якобы незаконном занятии им помещения. В 1914 г. новое здание библиотеки вступило в строй, и в этом была большая заслуга попечителя.

Взаимоотношения попечителя с университетом, касавшиеся хозяйственной и бытовой сторон, были конструк-

тивными, но политические проблемы, вопросы, связанные с управлением университетом, настроениями студентов и преподавателей, оставались острыми. Именно на этой почве углублялся конфликт попечителя с профессурой и студентами Томского университета и Технологического института, усиливалось негативное отношение к Лаврентьеву в общественных кругах. Нарастание революционных событий в стране в начале XX в. ярко проявлялось и в жизни высших учебных заведений Сибири. В марте 1901 г. Лаврентьев писал товарищу министра Н.А. Звереву о «сильном нервном припадке», который с ним случился 17 марта из-за беспорядков в вузах¹⁰.

Предлагаемые читателю письма Лаврентьева к А.Н. Куломzinу от 19 и 27 января 1905 г. и уже опубликованные письма его к А.Н. Шварцу¹⁶ содержат подробное описание событий в Томске 1905 г. Лаврентьев не признавал никаких проявлений революционности в учебных заведениях. Для него слово «кадет» звучало как ругательство. В переписке со Шварцем он называет кадетами всех ему неугодных – это и ректор университета, и новый губернатор, и даже начальник штаба Омского военного округа. Попечитель гордился тем, что ни один из директо-ров гимназий и училищ подчиненного ему округа не является «кадетом». Лаврентьев был сторонником «академизма» учебных заведений: здесь должна царствовать наука и здесь не место какой-либо политике.

События 1905 г. выбили из колеи учебный процесс во всей России, в первые месяцы революции средняя и высшая школы были парализованы. Поэтому новый министр просвещения И.И. Толстой начал с традиционного приема – кадровых перестановок. Глава МНП предпочтит иметь на местах более либерально настроенных подчиненных, поэтому он откровенно намекал Лаврентьеву об отставке: «В случае намерения Вашего оставить службу по МНП я готов ходатайствовать о назначении пенсии»¹⁰. Но Лаврентьев не собирался в отставку. В феврале 1906 г. он писал министру: «В настоящее тревожное время, требующее напряжения всех духовных сил, работоспособность моя проявилась в том, что все средние учебные заведения мужские и женские, городские и начальные приведены в нормальный порядок»¹⁰. В защиту Лаврентьева от возможной отставки выступили степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин и томский генерал-губернатор К.С. Нолькен. Сухотин в телеграмме на имя статс-секретаря С.Ю. Витте характеризует Лаврентьева как «единственный оплот в деле замирения края» и просит «сделать все возможное для отстранения тяжкого удара всему делу водворения порядка»¹⁰. Столь же откровенно высказался и Нолькен: «Увольнение единственного в крае консервативного деятеля учебного ведомства, несомненно, нанесет тяжкий удар делу водворения порядка не только в учебных заведениях, но и вообще в крае, т.к. распоряжение это будет понято местным обществом, как победа революционных и оппозиционных кружков»¹⁰. Вмешательство министра внутренних дел окончательно решило дело попечителя. Страх перед нарастанием революционных событий заставил сохранить Лаврентьева на посту. Местным властям Лаврентьев нужен был не столько как попечитель (в конце концов, они и сами были не особенно дружны с ним), сколько как страж порядка, человек, настойчиво проводивший в жизнь свои убеждения в

том, что школа должна существовать для учебы, а не для политики.

В 1906–1909 гг. пост ректора занимал профессор В.В. Сапожников. Он жаловался министру Шварцу на трудности исполнения обязанностей из-за разногласий с попечителем. Вопреки предложению ректора о производстве С.В. Лобанова в должность ординарного профессора попечитель назначил М.М. Александровича-Дочевского. Попечитель вмешивался в вопросы награждения профессоров орденами, их отпусков (отпуск Н.Я. Новомбергскому был предоставлен без заключения ректора). Сапожников писал: «Приняв управление университетом в эпоху волнений и приложив все силы своего разумения на то, чтобы ввести академическую жизнь в спокойное трудовое русло, я мог бы, казалось, надеяться на более благожелательное отношение г. попечителя, чем это оказывается в действительности»¹⁰.

Положение в Технологическом институте вызывало особое беспокойство властей. В 1907 г. прошла ревизия, которую возглавил С.Ф. Спешков, член совета министра просвещения, бывший попечитель Казанского учебного округа. В апреле 1911 г. министерство назначило новую ревизию Технологического института, но уже включая и Томский университет. Проверку возглавил А.М. Жданов, управляющий отделом промышленных училищ МНП, бывший ректор Петербургского университета и попечитель Московского учебного округа. В состав комиссии вошли профессор Петербургского технологического института А.Д. Гатцук и вице-директор Департамента общих дел МНП А.П. Даев. Пока шла проверка, ходили слухи, что на место Лаврентьева назначат М.Г. Курлова¹⁰. Итоги событий в вузах Томска с начала 1900-х гг. были опубликованы по постановлению Л.И. Лаврентьева в июне 1911 г. Это был отчет, изданный на правах рукописи: «Краткий отчет о деятельности профессоров и студентов Томского технологического института императора Николая II на поприще “освободительного движения”. 1901–1911 гг.». В августе 1911 г. попечитель получил благодарность министра просвещения за «в высшей степени обстоятельное расследование и столь же успешное окончание дела о бывших в высших учебных заведениях г. Томска беспорядках»¹⁰. Высочайшим приказом от 1 января 1912 г. он был награжден за «отлично-усердную службу и особые труды» золотыми часами с короной и бриллиантами¹⁷.

В последние годы жизни Лаврентьев хлопотал об устройстве в Сибири Духовной академии и сельскохозяйственного института, для которого считал наиболее подходящим местом г. Новониколаевск, добился открытия Высших женских курсов.

Лаврентьев скончался на 79-м году жизни в ночь на 20 сентября 1914 г. Похороны состоялись 22 сентября. Отпевание проходило в домовой церкви Томского университета, проводил Евфимий, епископ Барнаульский.

Л.И. Лаврентьев всю жизнь оставался холостым. В 1885 г. он усыновил собственного незаконнорожденного сына Сергея, родившегося в 1874 г. Сын получил среднее образование в Николаевской царскосельской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1895 г. Он пошел по стопам отца и получил высшее юридическое образование в Петербургском университете. С 1899 г. Сергей жил с отцом в Томске, где служил по судебному

ведомству. С 1905 г. печатался во всех томских изданиях правого толка. При самом активном его участии была организована газета «Время», под его руководством выходила некоторое время газета «Томский вестник», в которой было опубликовано более 200 статей за его подписью. Печатался он и в центральной прессе: в газетах «Голос Руси», «Голос Москвы», «Церковно-общественный вестник». В 1913–1914 гг. работал над составлением докладной записки о необходимости учреждения в Томске Сибирской духовной академии. После смерти отца Сергей Леонидович служил в Главном управлении по делам печати МВД, 18 марта 1915 г. был направлен в Томск в качестве инспектора управления. Томский губернатор характеризовал С.Л. Лаврентьева, в ответ на запрос из Управления по делам печати, как человека «нравственных качеств безупречных и в политической своей благонадежности никаких сомнений не внушающий»¹⁰.

В 1916 г. он женился на Е.Б. Федоровой, преподавательнице Томской губернской гимназии, которая была намного моложе его. После прихода к власти Временного правительства младший Лаврентьев оказался в очень тяжелом положении из-за упразднения его должности. Весной и летом 1917 г. он пытался устроиться в Книжную палату в Петрограде, выехать на работу в европейскую часть России – в Сарапул, Саратов или Одессу.

Как сложилась судьба Сергея Лаврентьева дальше, нам не известно. Ясно одно – в 1917 г. заканчивалось время людей, похожих своими политическими убеждениями на Лаврентьевых. В течение длительного времени мы судили о своих предшественниках только по их политическим взглядам, не боясь во внимание сторону их дела, а если их убеждения не совпадали с идеологией правящей партии, то однозначно осуждали их за это. Но факты остаются, и их следует взвешенно осмыслить.

Письма Л.И. Лаврентьева к А.Н. Куломзину

Декабря 10 1901 года.

Понедельник.

Любезный друг Анатолий Николаевич!

Как только по назначении моем попечителем здешнего округа я прибыл в г. Томск, в сентябре 1899 года, не мог я прежде всего не обратить внимания на в высшей степени антисанитарное состояние здешнего университета. Повсеместная грязь, удущливый воздух, зловоние и т.п. гадости невольно бросались в глаза; в особенности нечистоты со двора общежития, свободно стекавшие по поверхности земли, и тут же в овраге спускавшиеся жидкие и густые отбросы находящегося в двухстах шагах от университета анатомического театра не могли не привести в ужас всякого свежего человека. Вследствие загрязнения университетской почвы и рядом находящегося с университетским военным госпиталем и городской свалки, откуда жидкости, направляясь в тот же упомянутый овраг, загрязняя и на пути находящиеся университетские колодцы, университетская ключевая вода была насыщена всячими зловредными микробами. По другую сторону здания в другой овраг стекают нечистоты из клиники и туда же проведена грязная вода из арестантских рот. Последствием всего этого было то, что университет стал в городе гнездом заразы, на что обратила внимание и местная печать. Тогда у них господствовал брюшной тиф, который забрался в квартиру служащих в университете, как в самом здании, так и во флигелях. Эта страшная болезнь не миновала и квартиры попечителя. Я поспешил назначить особую комиссию для выяснения причин заразы и мер к ее пресечению и предупреждению на будущее время. Причины были выяснены, меры указаны. Все, что можно было сделать собственными средствами, сделано, а отчасти делается теперь по возможности и имеющихся налицо денежных средств. Но на главное денег нет. Нужно устроить канализацию, выстроить особые казармы для нижних служителей, а главное, выстроить новый анатомический театр, который в настоящее время грязнит только почву, а учебным целям совершенно не удовлетворяет. И вот я начал хлопотать об отпуске средств из казны. Но совершенно безуспешно: получил отказ из-за китайской войны¹⁹.

К этим основным и наиболее насущным потребностям присоединилась наша библиотека (где температура по зимам, несмотря на усиленную топку, иногда доходила до -6°), затем устройство отопления в университетских зданиях (калориферы совсем испортились: они дымят и дают по временам холод), расширение университетских клиник. Первоначальная сумма увеличилась приблизительно в круглых числах до 400 000 руб.

Наконец в прошлом году в виду положительной невозможности нашим студентам заниматься в больнице Приказа общественного призрения возникла мысль возбудить ходатайство об устройстве собственных госпитальных клиник и [неразборчиво. – Ч.И.] еще некоторых перестроек и приспособлений. Ходатайство выразилось в 1 105 000 руб.

За этим миллионом я и поехал в Петербург, но просил его отпустить не за один раз, а по возможности в три строительные периоды, приблизительно по $\frac{1}{3}$ этого миллиона (400+400+300). Планы и сметы на постройки никак не могли быть представлены раньше 1-го октября. Я получил отказ за несвоевременное отправление планов (Желали в Департаменте, чтобы я их представил к 1-му августа, что было положительно невозможно ввиду каникулярного времени, когда все профессора в отпуске: в анатом[ическом] театре есть технические подробности, которые без специалистов ни один архитектор разобрать не может. Я обещал их представить к 1-му октября, и в этот день выслать им сметы). На 1902-й год из этого миллиона я не получаю ни копейки.

Между тем, несмотря на все хлопоты и возможные улучшения, санитарное состояние университета не может быть приведено в надлежащий вид, пока не будет построена анатомия. Они же и для занятий студентов по анатомии, оперативной хирургии, патологической анатомии и судебной медицине (для 4-х кафедр), безусловно, необходимы.

А пока что болезни у нас не прекращаются. Несмотря на то что я городскую свалку уничтожил, перестроил университетские колодцы и ввел повсеместно наивозможную чистоту, санитарное состояние остается все-таки плачевным, и так оно будет продолжаться, пока не будет устроен анатомический театр, положение которого рядом с университетом, в здании, для анатомии не приспособленном, грозит постоянно опасностью. Мертвые тела ввозятся в главные университетские ворота, голые, едва прикрытые рогожей, иногда без головы, нередко ноги волочатся по снегу (раз мертвое тело ночью привезли к нашему подъезду, перебудили у нас всех в квартире и напугали). Затем примитивное обращение с телом в анатомии, грязная вода с отбросами тут же стекает в овраг и т.д. Что мудреного, что у нас болезни не переводятся, дифтерит, корь, а вот теперь свирепствует натуральная оспа (хотя в самом городе никакой эпидемии нет). Трое детей лежат в клинике, правитель канцелярии лежит в оспе дома, у меня был болен оспою маленький Сережечка¹⁹ (теперь совсем выздоровел). И вот я третий год хлопочу об анатомии, посыпал профессора за границу для осмотра анатомических институтов²⁰ (отчет с планами, чертежами и подробным описанием отпечатаны и уже давным-давно представлены в министерство); то отказываются по случаю китайских осложнений, то потому что план представлен не своевременно. А почему нельзя было его представить в октябре, мне не известно. Раз министр финансов принципиально изъявил свое согласие на отпуск денег на этот предмет, о чем я был извещен только в конце лета, не могу же я к 1-му августа, как того требовало министерство, т.е. в мгновение ока, изготовить все требуемое, раньше первых чисел октября представить планы не было никакой возможности (профессора съехались только к началу сентября), и без того все эти сложные работы были исполнены в один месяц. Но мне отказали! Что же делать? Видимо, в этом выражается сердечное попечение!

Ты меня извини, мой милый друг Анатолий Николаевич, что я тебя занимаю такими предметами, которые для тебя, быть может, совсем неинтересны и, в сравнении с другими важными государственными делами, кажутся тебе пустяками. Прости, что отрываю у тебя время. Мне просто хочется побеседовать с кем-нибудь о здешних делах и выразить мою скорбь о постигших меня неудачах, никого у меня нет, а на твою доброту надеюсь, что ты меня выслушаешь.

Итак, продолжаю свою ламентацию. Отказ в отпуске денег на анатомию совершенно меня обескураживает. По получении разрешения на анатомию я предполагал двинуть библиотеку, которая, как известно, находится у нас в самом безотрадном положении: тесна (книги лежат неразобранными в тюках), холодна (в некоторых помещениях – 6°) и, что самое главное, весьма не безопасна в пожарном отношении. За нее болит у меня сердце, тем более что я занимаю помещение в 9 комнат (а с прислугой и кухней их наберется до 12), которое могло бы быть отведено, по крайней мере, хоть на время, до выстройки нового здания, под библиотеку. Но, разумеется, я не могу бросить семью и перебираться, бог знает куда, тем более что у меня все уголки в доме заняты и один из моих племянников спит в передней за перегородкой. Но когда будут назначать сюда нового попечителя, ему не следует отводить квартиры в университете: здесь и так тесно. Постройка нового здания под библиотеку было сложное и важное [дело? – Ч.И.]. Если не китайские осложнения и не планы, то, пожалуй, что-либо другое помешает. Скажут, нельзя в 1903 году отпускать такую огромную сумму зараз и на анатомию и на библиотеку, а потому, пожалуй, откажут в том и другом.

Во всяком случае, покорнейше прошу тебя не предпринимать всего мною сказанного за жалобу на министерство. Я не жалуюсь, а просто беспокоюсь, на что ты в особой претензии на меня быть не можешь, так как сам интересуешься сибирскими делами. [Оснований? – Ч.И.] же жаловаться на высшее управление я не имею никаких. Правда, теперь служить стало несравненно труднее, что не даже при покойном Боголепове²¹. Направление в настоящее время неустойчивое, отсутствие доверия к подчиненным, вмешательство в разные мелочи, решения иной раз совершенно неожиданные, незнакомство с прошлым и традициями, неверное применение существующих законов, полное по временам незнакомство с техникой производства и движения дел, лихорадочная торопливость и необдуманные новшества. Приходится со всем этим считаться, трудно относиться хладнокровно и выжидать. Обвинять их нельзя, дело для них совершенно новое. Теперь новый товарищ из нашего ведомства; быть может, он будет полезнее. Для меня было бы лучше, если бы был назначен юрьевский попечитель А.Н. Шварц²². Впрочем, и против Г.Э. Зенгера²³ ничего не имею. Не знаю только, как он относится к университетскому вопросу. Здесь, в Томске, с нашими профессорами просто беда: весьма немногочисленная, но очень крепко сплоченная, красная партия взяла верх.

При желании всего наилучшего в мире, глубоко уважающий и искренне преданный Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 364. Л. 33–36об.

* * *

19-го января 1905. Среда.

7 часов утра.

Томск

Любезный друг Анатолий Николаевич!

Вчера у нас была громадная (тысяч до пяти народу) уличная демонстрация с главнейшим участием, конечно, студентов двух высших учебных заведений, особенно технологов. Об упорядочении технолог[ического] института я уже пять лет кряду докладываю министерству, но тщетно. Я предсказывал еще в 1900 году, что это заведение грозит

серъезною опасностью, если своевременно не будут принятые указываемые мною меры. Но Ванновский²⁴ отказался что-либо сделать и на мои доклады написал даже беспримерную глупую резолюцию. От Зенгера же я получил только весьма дерзкое замечание, которое я, однако, не оставил без ответа, так как документально ему доказал, что он не прав, так что он ничего не мог возразить, а потому и задумал так или иначе мне отомстить. Настоящему министру, генерал-адъютанту И.Г. Глазову²⁵, я лично подал в бытность мою в августе месяце в Петербурге, докладную записку все по тому же злосчастному Технологическому институту, но пока еще никакого ответа не получил.

Извини, впрочем, за отклонение, так пришлось к слову. Итак, вчера была демонстрация с убитыми, ранеными, искалеченными, убитыми... Глубоко прискорбная история! Кто виноват? Ссыльаться на английское золото, значит, отводить глаза. Если оно тут и существует, но не в нем сила. Главнейшее зло – это постоянные колебания сверху, полная неуступчивость принципов, отсутствие в исполнителях твердости убеждений, честности, прямоты, служения долгу, влияния, заискивания, стремления к популярности!

Вот и Татьянин день, устроенный нашими либеральными заправилами, представителями трех ведомств: учебного (проф. Малиновский)²⁶, судебного (адвокат Вологодский)²⁷ и городского (господин Потанин)²⁸. Местная пресса и томское общественное мнение в их руках. Они дают также и направление всей местной жизни, большие связи и знакомства в городе, а у Потанина громадная популярность по всей Сибири, как у борца за отложение этой области от России и ее полную независимость.

Во избежание беспримерного скандала в здешних высших учебных заведениях, дабы вооруженная демонстрация не вторгнулась с улицы прямо в аудитории и актовые залы, сегодня с раннего утра Университет и Институт временно закрыты на несколько дней (полагаю до будущего понедельника).

Вчерашний скандал, как и следовало ожидать, уже вызвал большое сочувствие к студентам. Вчера вечером уже приходил ко мне один профессор с выражением соболезнования к раненым студентам и курсисткам, привезенным в наши клиники в числе 7 человек, привезены туда же и городовой, смертельно раненный, обремененный большим семейством (говорят, будто 8 человек детей). К демонстрантам у этого профессора оказалось весьма возбужденное сочувствие, к защитнику же порядка ровно никакого, он даже не хотел о нем и говорить! И это профессор, клиницист и оператор, для которого, казалось бы, жизнь человеческая одинаково должна быть дорога, независимо от того, что умирающий социал-демократ или полицейский чин!

Тяжко и грустно, что-то будет дальше? В прокламациях к участию в демонстрации призывались войска, студенты, рабочие, все население города, приглашалось свергнуть правительство, уничтожить войну и провести забастовку по всей линии сиб.-жел. дороги!

Искренно преданный и глубоко уважающий товарищ Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 364. Л. 38–41об.

* * *

27-го янв[аря] 1905 г. Четверг.

Томск

Любезный друг Анатолий Николаевич!

О, ужас! Вчера, в три часа дня, мерзавцы-студенты, выломав дверь, ворвались в актовую залу университета и изорвали портрет Государя Императора.

Немедленно, собрав необходимые справки и послав шифрованную депешу нашему министру, я поскакал к губернатору, в жандармское управление, к прокурору и в Охранное отделение.

Целую ночь просидел за разбором лиц, участвовавших на вчерашней сходке, результатом которой было возмутительно дерзкое преступление. Удалось с точностью обнаружить присутствие на сходке 330 лиц. Но настоящих виновников преступления, разумеется, отыскать не пришлось. Между тем в числе 330 студентов были, несомненно, и благонадежные. Не угодно ли теперь разобраться в этом деле и подвергать виновных ответственности. Покарать, безусловно, нужно, но как сохранить тут справедливость? Тяжкий грех оказать в таком серьезном деле послабление, не менее преступно и наказывать невинных. Сердце надрывается, ищешь помощи только у Бога. Кругом ни сочувствия, ни поддержки (кроме одного единственного человека) у меня нет, напротив, враждебное настроение и злоба за верную мою присяге службу Государю. Наверху, в Петербурге, в нашем министерстве, я симпатии к себе не заслужил, ко мне относятся недоверчиво, подрывая подчас даже авторитет. Тяжело!

Бот в тяжелые то минуты и хочется побеседовать с тобою.

Глубоко преданный, Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 364. Л. 42–43об.

* * *

Письма Л.И. Лаврентьева к А.Н. Шварцу

Апреля 24-го дня, 1908 г.
Томск

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Представить краткую, согласно выраженному Вами желанию, характеристику двух томских высших учебных заведений, как то сделано в прошлом письме относительно средних, довольно затруднительно, входить же в подробности, вопреки Вашему желанию, я, само собою разумеется, не считаю себя вправе, да и боюсь утомить Ваше внимание и отнимать дорогое для Вас время. Постараюсь, однако, выйти из сего затруднения, как сумею и начну с Технологического института.

Из первого же моего знакомства с директором²⁹ этого института я не смог не вынести самого безотрадного о нем впечатления: я очень удивился, как можно было назначать на столь ответственный пост столь легкомысленного человека. Я не касаюсь других сторон его характера, но легкомысление его ярко выступало наружу во всех его мнениях. Его последующая деятельность, в качестве начальника высшего учебного заведения, только подтвердила составленное мною мнение о нем. (Подробная характеристика имеется в делах Министерства). Он не имел ни малейшего авторитета среди профессоров и искал популярности у студенчества. С самого начала открытия института и начались в нем беспорядки, с которыми как он, так и совет не только справиться не могли, но, смею прямо сказать, стали на сторону беспокойных элементов. Дальнейшая деятельность и директора, и совета шла по наклонной плоскости все в таком же направлении. В смутное время 1904 и 1905 годов профессора института, нисколько не стесняясь, стали открыто на сторону революции (за исключением, быть может, одного или двух: вполне ручаться могу только за одного). Даже в те немногие минуты просветления, когда студенты готовы были от забастовки отказаться, на сходку явились профессора и от лица 18 (если не ошибаюсь) своих коллег объявили, что они читать лекции не будут, если на сходке студенты постановят начать занятия, а один из преподавателей института так-таки и прямо приглашал студентов к вооруженному восстанию (это было 2 октября 1905 г.). 19-го октября в Техн[ологическом] инст[итуте] был уже настоящий революционный митинг со сбором денег на оружие. Произносились зажигательные речи (особенно отличились двое из профессоров и два студента: Богданов Сергей и Лихонин Вячеслав). 20-го октября во время погрома, директор института и многие из профессоров бежали и скрывались неведомо где. С объявлением военного положения³⁰, с 10-го января 1906 г. институт встал в открытую оппозицию с новым порядком вещей, о чем нисколько не постыдился сделать и официальное постановление в совете в сем смысле.

Из этого краткого изложения ясно, что если бы директора и профессора (с большим штатом младших преподавателей) были на высоте своего призыва, то в заведении этом, если бы и были беспорядки, как и во многих других, то ни в коем случае оно не пришло бы в то печальное положение, в котором находится теперь.

Со стороны попечителя местного учебного округа были принимаемы решительно все зависящие от него меры, о положении дела докладывалось министерству, в течение 9 лет, целым рядом представлений и бесчисленных телеграмм, но безрезультатно. О причинах такого прискорбного явления нет уже положительно никакой возможности передать в кратких чертах. Все эти донесения попечителя Западно-Сибирского учебного округа шести министрам народного просвещения³¹ для будущего историка могут послужить лишь не бесполезным материалом для характеристики русского просвещения в смутные годы начала XX столетия.

Перехожу теперь к университету. Томский университет я застал в составе только одного медицинского факультета, юридический тогда только что был открыт³², и налицо юристов было три-четыре человека (за исключением одного, только что окончившего курс в университете)³³. Профессора-медицины, исключая двух-трех, производили самое благоприятное впечатление, по своей серьезности, трудолюбию и вполне корректному отношению к студентам. Ректор, правда, был довольно неудачный: весьма грубый в обращении, как с профессорами, так и со студентами, порядочный неуч и бесхозяйственный администратор, но человек стойких, твердых убеждений, любящий порядок и дисциплину³⁴. Хозяйственная часть была в необычайном расстройстве и запустении (учебно-вспомогательные учреждения, как анатомический театр и др. находились в ужасном положении). Но профессора учили, как следует, и студенты исправно занимались. Из беспорядков был один крупный, совместно с технологами уличная демонстрация. Университетское начальство обнаружило своих виновных и подвергло их взысканиям. (Техн[ологический] инст[итут] не открыл ни одного из своих виновных, хотя громадное большинство демонстрантов и были технологии.) С постепенным открытием на юридическом факультете старших курсов и появлением новых, совершенно зеленых магистрантов-профессоров, а отчасти под влиянием близкого соседства Техн[ологического] инст[итута] и общего настроения томского общества (где не мало политических ссыльных прежнего времени) физиономия университета стала заметно изменяться. Большинством совета (где преобладают медики) был избран ректором вполне и во всех отношениях достойный человек, безупречной честности и благородства, известный даже и за границею ученый, энергичный, живой, деятельный, восприимчивый (по временам, если что его близко заденет, какая-нибудь вопиющая неправда, немного и горяч, вспыльчив)³⁵. Все были довольны, и большинство профессоров, и значительное большинство студентов (в особенности старших курсов), относившихся к ректору-профессору с особым уважением. Но недовольны были юристы, которым нужны не тишина и порядок в университете, а политика. Воспользовавшись одним инцидентом у ректора с двумя студентами, юристы подняли гвалт, начали интриги, перенесли дело в печать (двоих из

юристов-профессоров состоят редакторами-издателями местной газеты)³⁶, а затем в Совет. Раздули пустяшный сам по себе инцидент в крупную историю, наболтали в Совете с три короба, а медики частью по скромности, частью по неумению отпарировать болтовню словоохотливых юристов, хотя с ними и не соглашались, но не умели, как следует, отстоять ректора, который не только вышел из ректорства в отставку, но и уехал за границу. Студенты почувствовали в себе силу: сменили ректора, и начали все более и более забирать в свои руки власть и управлять университетом. Начались самые смутные в жизни университета времена. Растигались все. Пошла предвыборная агитация на должность ректора. Правые, чтобы не уступать левым (трем томским камаринским мужикам, как их здесь называют по примеру петербургских: Аладьина, Аникина и Жилкина³⁷, защитнику в «Праве» Выборгского воззвания³⁸ и полуполякам) согласились на выбор «кадета»³⁹. Левые, не надеясь, чтобы кто-нибудь из них прошел, помирились тоже на «кадета». «Кадет» – ректор и ведет теперь чисто кадетскую линию: для достижения своих целей не останавливается ни перед какими средствами, пользуясь малейшей йотой для своей пользы, умеет обойти все то, что ему может помешать, несоблюдение закона умеет обставить особо уважительными причинами, право захватное считается юридической нормой наравне с правом собственности. В Совете умеет лавировать между Сциллой и Харибдой. Собственные делишки умеет обделять как нельзя лучше. Умеет ставить два дела, одно на открытую баллотировку, другое на закрытую, как ему выгодно. Он похож отчасти и на тех левых октябрьистов, про которых говорят:

«Мы октябрьсты
Все прогрессисты,
В министры метим,
Твердим одно:
Свобода тем, свобода этим,
Нам все равно, нам все равно!»

Прошу извинить за чересчур длинное послание, но короче не сумел.

При желании Вам всего наилучшего в мире, с самой искреннею и сердечною к Вам благодарностью за в высшей степени любезное ко мне отношение и добрую обо мне память.

Остаюсь глубоко Вас уважающий и навсегда преданный, Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 484. Л. 6–9.

* * *

Воскресенье, 19-го апреля 1909-го года.

Высокоуважаемый и добрейший Александр Николаевич!

[...]

Прежде всего, большая возня с университетом: он делает подчас совершенно несуразные представления и просит о них ходатайствовать перед министерством. А то входит с запоздалыми представлениями, а потом сумашествуют, пристают, торопят. Так один из клинических бараков стал уже совсем разваливаться и грозит падением. Тогда только он и вышел с представлением, надеясь на немедленное разрешение постройки нового, так как из казны никаких денег не требовалось. Но министерство почему-то это разрешение задерживает, а на две последовавшие затем мои телеграммы никакого ответа не даете. Ректор и все клинисты-профессора мне покоя не дают. Если разрешение немедленно не воспоследует, то терапевтическая клиника будет закрыта: нельзя будет читать лекции пятому курсу и нельзя готовить студентов к выпускному экзамену. Чистейший скандал! А посыпать третью депешу, когда две предшествующие оставлены без ответа, я не решаюсь.

Не мало хлопот доставляет и Технологический институт. Но рассчитывать на какое-либо улучшение этого учебного заведения, пока оно находит сильную поддержку в центральном управлении министерства народного просвещения (в лице управляющего отделом промышленных училищ) совершенно невозможно.

[...]

При желании Вам всего наилучшего в мире, всякого успеха в Вашей деятельности и полного благополучия во всех отношениях, с чувством глубочайшего уважения и самой искренней преданности навсегда готовый к услугам Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 484. Л. 19–20.

* * *

Попечитель
Западно-Сибирского
Учебного округа
Февр[аля] 27 1910 г.
Томск⁴⁰

Высокоуважаемый и добрейший Александр Николаевич!

Сегодня получил присланное мне из Томска, через Одессу, Ваше письмо от 9 февраля и спешу Вас успокоить сообщением кратких сведений по каждому из пунктов письма. Подробные официальные данные будут представлены из Томска немедленно же по моем туда возвращении.

[...]

7. Томский ун[иверсите]т учрежден и здание выстроено для него первым попечителем Западно-Сиб[ирского] уч[ебного] окр[уга] Флоринским⁴¹. При постройке его, руководствуясь соображениями частью экономическими, частью архитектурными, Флоринский квартирные помещения соединил с главным зданием университета, с его корпусом главным, в виде правого крыла. В этом крыле, кроме квартиры для директора и других служащих в университете, он устроил помещения для своей канцелярии и с Высочайшего соизволения занял квартиру и лично для себя. Когда по смерти Флоринского попечителем был назначен я, то та же квартира с Высочайшего соизволения была предоставлена и мне, так как попечителю ЗСУО полагается по закону и Высочайше утвержденным штатом 4000 р. жалования, 4000 р. столовых и квартира в натуре, другой же квартиры казенной в натуре, кроме университетской, никакой нет. Тем не менее, однако, вступив в должность, я прежде всего обратил внимание на крайнее неудобство одних помещений в университете, на возмутительное состояние других и на отсутствие третьих необходимых. Университету были нужны: 1) Анatomический институт, 2) Госпитальные клиники, 3) Библиотека и т.д. Я занялся проектом составления планов и сметы. Когда же на открытие Томского технол[огического] инст[итута] прибыл в Томск бывший товарищ мин[истра] Н.А. Зверев⁴², то я ему сообщил все мои предположения о нуждах университета, причем прямо и категорически заявил, что кроме сейчас упомянутых нужд собственно университета, есть настоятельная необходимость в постройке особого здания для управления округа, где должна быть квартира для попечителя, для правителя канцелярии и где должна была помещаться и канцелярия. Н.А. Зверев к моему проекту отнесся очень сочувственно, но, по общему согласию, мы пришли к тому заключению, что, прежде всего, дабы не осложнять дела и не увеличивать чрезмерно просимую от казны сумму, нужно возбудить ходатайство об удовлетворении насущных нужд собственно университета, а потом, по удовлетворении их, хлопотать об окружном здании. Я так и сделал. Вошел в министерство с ходатайством об удовлетворении вышеупомянутых трех университетских потребностей и некоторых других, с ними тесно связанных, всего на сумму 1 105 000 р. С этим проектом я лично отправился к Ванновскому, но, вопреки всякому ожиданию, встретил самый неминистерский прием. Ни одно из моих трех ходатайств уважено не было. Только впоследствии мне удалось осуществить мою заветную мечту – построить образцовый анат[омический] инст[итут], который теперь благополучно и существует. Недавно удалось достигнуть устройства и госпитальных клиник. Теперь очередь за библиотекой. А за нею пойдет дело и об окружном здании. Пока мне удалось вывести из университета канцелярию и правителя канцелярии, который имеет квартиру в университете же. Теперь очередь за попечителем. Я ровно ничего не имею против того, чтобы мне была представлена какая-либо другая казенная квартира вне университета. Пожалуйста, я буду очень рад. Но где ее взять? Нужно выстроить здание. Отлично. Пускай казна и отпускает потребную сумму. Составить план и смету не долго и не трудно.

Томский университет постепенно расширяется. Отчего ему и не воспользоваться квартирой попечителя. Она хотя теперь особенно и не стесняет учебно-вспомогат[ельные] учреждения у[ниверсите]та, но помещение существующей библиотеки безобразно тесное и нелепо-неудобное, впредь с выстройки нового здания для библиотеки, в квартиру попечителя можно поместить не одну сотню книг. Повторяю, мое давнишнее желание иметь для окружного управления совершенно особое, самостоятельное здание, ничем не связанное с каким бы то ни было учебным заведением.

[...]

Глубоко Вас уважающий и всею душою преданный покорный слуга Л. Лаврентьев.

РГИА. Ф. 1672. Оп.1. Д. 484. Л. 61–68.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
2. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.
3. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.
4. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960; Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002; Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955; Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855.
5. Хотеенков В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1; Цинтия Х. Виттекер. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
6. Посохов С.И. Попечители учебных округов: состав, функции, мнения (Харьков). (Автор любезно позволил ознакомиться с рукописью статьи в 2004 г.); Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа: между чиновником и ученым // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 47–75; Оренбургский учебный округ и его попечители // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С. 210–212.
7. Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа (1827–1845 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1997; Черказьянова И.В. Лаврентьев: конфликт убеждений и действительности // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2003. № 3. С. 106–111; Об одном эпизоде из истории Западно-Сибирского учебного округа в годы Первой мировой войны // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: Сб. статей. Омск, 2003. Вып. 1. С. 34–43 (о А.Ф. Гефтмане); «Увы, я остыаец!» (об отставке попечителя Харьковского учебного округа в 1915 г.) // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2002. С. 67–74 (о П.Э. Соколовском); Профессор П.Э. Соколовский во главе Харьковского учебного округа // Университеты. Харьков, 2004. № 3. С. 64–73.
8. Зайцев Б.П., Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа. Харьков, 2000.
9. Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923), статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров (1883–1902) и Комитета Сибирской железной дороги (1893–1905), член Государственного совета.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 178. Л. 8; Д. 364. Л. 2, 11 об., 28, 30 об.; Ф. 733. Оп. 121. Д. 880. Л. 13, 109, 110, 130, 132, 146, 147 об., 281 об.; Ф. 740. Оп. 15. Д. 15. Л. 1–1 об., 10, 11; Д. 296. Л. 12 а, б; Ф. 1672. Оп. 1. Д. 606. Л. 8–9 об.; Ф. 776. Оп. 23. Д. 44. Л. 4.
11. Birkenmeier W. Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1995.
12. Судейкин В.Л. И. Лаврентьев (Некролог) // ЖМНП. 1914. № 12. С. 86.
13. Карапов Н.И. Прожитое и пережитое. М., 1990. С. 205.
14. Попов Михаил Федорович (18.10.1854–28.06.1919), профессор по кафедре судебной медицины, декан медицинского факультета с 1895 г., ректор (1913–1916).
15. Сапожников Василий Васильевич (1861–1924), ботаник, профессор и заведующий кафедрой ботаники, ректор (20 декабря 1906 – 20 декабря 1909, 1917–1918), член кадетской партии.
16. Черказьянова И.В. «Не бесполезный материал для характеристики русского просвещения в смутные годы начала XX столетия» (Письма попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева министру просвещения А.Н. Шварцу) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: ОГИК музей, 2002. № 9. С. 274–307.
17. Л.И. Лаврентьев (Некролог) // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1914. № 9–10. С. 417.
18. Речь идет о восстании ихэтуаней (боксерское восстание) в Китае и о вступлении русских войск в Манчжурию в 1900 г.
19. Видимо, сын Лаврентьев Сергей.
20. Возможно, речь идет о профессоре Попове Михаиле Федоровиче.
21. Боголепов Николай Павлович (1846–1901), юрист, профессор Московского университета, попечитель Московского учебного округа (1895–1998), министр народного просвещения (1898–1901), скончался от смертельной раны, нанесенной бывшим студентом П.В. Карповичем.
22. Шварц Александр Николаевич (4.01.1848–5.01.1915), филолог, доктор греческой словесности, ординарный профессор Московского университета (с 1892 г.), директор V Московской гимназии (с 1887 г.), директор Константиновского межевого института в Москве, попечитель Рижского, Варшавского, Московского учебных округов, министр просвещения (1.01.1908–25.09.1910).
23. Зенгер Григорий Эдуардович (13.03.1853–07.07.1919), филолог-классик, доктор римской словесности (1894), ректор Варшавского университета (1897–1899), попечитель Варшавского учебного округа (1900–1901), министр просвещения (11.04.1902–23.01.1904).
24. Ванновский Петр Семенович (1822–1904), министр народного просвещения (1901–1902).
25. Глазов Владимир Гаврилович (1848–1918), министр народного просвещения (1904–1905).
26. Малиновский Иоанникий Алексеевич (4.11.1869–12.01.1932), юрист, в 1898–1911 гг. и.д. экстраординарного (ординарного) профессора по кафедре русского права Томского университета.
27. Вологодский Петр Васильевич (30.01.1863–1928), юрист, присяжный поверенный в Иркутске и Томске, представитель сибирских областников; председатель Совета министров Временного сибирского, Временного всероссийского и Российской правительства. Скончался в Шанхае.
28. Потанин Григорий Николаевич (21.09.1835–30.06.1920), путешественник, этнограф, общественный деятель, идеолог сибирского областничества.
29. Зубашев Ефим Лукьянович (1860–1928), инженер-технолог, профессор химической технологии Харьковского технологического института (с 1 июня 1890 г.). При организации Технологического института в Томске был назначен первым директором (с 24 января 1899 г.), а затем и председателем строительного комитета по сооружению института. 10 февраля 1906 г. был смещен с поста директора и выслан томским губернатором за пределы Сибири и Степного края до окончания военного положения, так как обвинялся в содействии студенческим беспорядкам. В марте 1907 г. вернулся в Томск, до этого находился в Харькове. Вышел в отставку по болезни в июле 1909 г. При Временном правительстве был попечителем Харьковского учебного округа. К началу 1922 г. проживал в Петрограде, был профессором Агрономического института и председателем промышленно-экономического отдела Российского технического общества.
30. Высочайшим указом от 23 декабря 1905 г. Томск был объявлен на военном положении. 12 января 1906 г. вышло обязательное постановление и.о. томского генерал-губернатора барона Нолькена о введении военного положения. Запрещались митинги и собрания, сбор более трех человек, ношение оружия.
31. С 1899 (с момента назначения Лаврентьева в Западно-Сибирский округ) до 1908 г. сменились шесть министров: Н.П. Боголепов, П.С. Ванновский, Г.Э. Зенгер, В.Г. Глазов, И.И. Толстой, П.М. Кауфман.
32. Юридический факультет открылся 22 октября 1898 г.
33. Первыми профессорами юридического факультета были С.И. Живаго, И.А. Малиновский, М.А. Рейнер, С.Г. Сабинин, И.А. Базанов. Деканом был назначен профессор И.Г. Табашников.
34. Судаков Александр Иванович (1851–1914), медик, специалист в области гигиены, ректор в 1892–1894 и 1895–1903 гг.
35. Курлов Михаил Георгиевич (7.04.1859–7.01.1932), доктор медицины, специалист в области бальнеологии и терапии, профессор Томского университета, первый выборный ректор (5 сентября 1903 – 18 ноября 1906 г.).

36. Газета «Сибирская жизнь» выходила под редакцией двух профессоров университета – М.Н. Соболева и И.А. Малиновского.
37. *А.Ф. Аладъин, С.В. Анискин, И.В. Жилкин*, депутаты Государственной думы, лидеры фракции трудовиков. В Томском университете наиболее радикальные позиции занимали профессора юридического факультета М.Н. Соболев, И.А. Малиновский, Н.Н. Розин. Возможно, Лаврентьев их сравнивает с депутатами Думы.
38. «Выборгское воззвание» – обращение группы депутатов 1-й Государственной думы – кадетов, трудовиков и социал-демократов, принятое в Выборге 10 июля 1906 г. в ответ на распуск Думы.
39. Ректором был избран *Сапожников Василий Васильевич*.
40. Письмо написано из Дрездена на типографском бланке для писем с угловым штампом попечителя округа.
41. *Флоринский Василий Маркович* (1834–1899), доктор медицины (1861), экстраординарный профессор Военно-хирургической академии (1867), заведующий акушерской кафедрой Казанского университета (до 1885), первый попечитель Западно-Сибирского округа (1885–1899).
42. *Зверев Николай Александрович*, юрист, ординарный профессор энциклопедии и истории философского права Московского университета, товарищ министра просвещения (1898–1901).

Статья поступила в научную редакцию «Исторические науки» 1 декабря 2004 г.